

Turganbek Allanijazov, Universität „O. A. Bajkonurov“, Žezkazgan (Kasachstan):

Protestbewegungen in Zentralasien und Kasachstan in den 1920er-1930er Jahren. Die Bewertung in westlichen, sowjetischen und nationalen Historiographien: Traditionen und Innovationen.

Турганбек Алланиязов, Жезказганский университет имени О.А.Байконурова (Казахстан):

Протестные движения в Средней Азии и Казахстане 1920-1930-х годов в оценках западной, советской и национальных (Россия, Казахстан, Узбекистан) историографий. Традиции и новации.

Abstract: In den 1920er und 1930er Jahren kam es in den Sowjetrepubliken Zentralasiens und Kasachstans im Zuge der gewaltsamen Modernisierungspolitik der Bolschewiki zu bewaffneten Protesten, die von weiten Teilen der Bevölkerung getragen wurden. Der Aufsatz beschäftigt sich mit dem Problem, wie diese Protestbewegungen von Historikern bewertet und interpretiert wurden und werden. Dabei setzt sich der Text sowohl mit westeuropäischen, türkischen und amerikanischen Autoren, als auch mit sowjetischen Interpretationen auseinander und befasst sich auch mit den Auffassungen von Historikern aus den nunmehr unabhängigen Staaten Zentralasiens.

In der sowjetischen Historiographie wurde der Widerstand als „eine der Formen des Klassenkampfes entmachteter örtlichen Ausbeuter“ charakterisiert. Kasachische Historiker, die sich vor 1991 äußerten, interpretierten die Konflikte ebenfalls in den Begrifflichkeiten von Klassenauseinandersetzungen und verwandten Formulierungen wie „antisowjetisch“, oder „konterrevolutionär“. Richard Pipes hat dem entgegengehalten, es habe sich dabei um den „Widerstand lokaler Nationalitäten gegen die gewaltsame Sowjetisierung“ gehandelt, sein Kollege Alexander Park schrieb von „bäuerlichen“ Bewegungen, die von muslimischen Eliten angeführt worden seien. Martha Brill Olcott erkannte hier einen „Kampf aller Muslime gegen den Bolschewismus“. Ähnlich äußerte sich auch Héléne Carrère d'Encausse, die von einer nationalen Bewegung mit religiösen Wurzeln sprach.

Nach 1991 setzte in den unabhängigen Republiken Zentralasiens eine Neubewertung des Widerstands der bäuerlichen und nomadischen Bevölkerung gegen die Modernisierungsbestrebungen der Bolschewiki ein. Dieser Prozess ist eng mit politischen Neuordnungsprozessen verbunden, die auch das Verhältnis der jeweiligen Republiken zur sowjetischen Vergangenheit berührte. In Kasachstan sprachen T. Omarbekov und andere deshalb von einer „nationalen Befreiungsbewegung“, die sich in den Jahren von 1929-1931 erhoben habe. Ähnliche Tendenzen lassen sich auch in Usbekistan erkennen, wo gleichfalls von nationalen Befreiungsbewegungen die Rede ist.

Der Autor misst diesen Interpretationen keinen Erkenntnisgewinn zu, da sie lediglich eine Übernahme westlicher Konzeptionen durch zentralasiatische Historiker darstellten, die wiederum in ihrer Sichtweise massiv durch den Kalten Krieg beeinflusst gewesen seien. Allein die Gründe, die für die Charakterisierung des bäuerlichen Widerstands als „nationale Befreiungsbewegung“ maßgeblich seien, seien in der Gegenwart zu suchen: Es handele sich sowohl um nationalistische Tendenzen als auch um „politische Konjunkturen“. Kasachische Historiker seien um den Nachweis bemüht, dass der nomadische Widerstand der frühen 1930er Jahre Teil eines länger andauernden Kampfes der Kasachen um ihre staatliche Unabhängigkeit sei. Dieser Prozess umfasse im 20. Jahrhundert auch den Aufstand der Nomaden von 1916 und die Demonstrationen in Alma-Ata vom Dezember 1986. Indem die Existenz einer solchen Traditionslinie postuliert werde, lasse sich die offizielle These vom andauernden Kampf um die Unabhängigkeit stützen. Zugleich aber erkläre man beide Ereignisse dadurch für sakrosankt und enthebe sie damit der Kritik.

Neuere Arbeiten russischer Historiker wenden sich gegen die Annahme, dass es sich bei den Aufständen in Zentralasien um nationale Befreiungsbewegungen gehandelt habe. E. A. Jurina schreibt, dass „die Basmachi keine nationale Bewegung waren und auch nicht sein konnten, da es zum Zeitpunkt der Aufteilung Zentralasiens in nationale Republiken keine nationalen Entitäten [...] gab.“ Vielmehr habe es sich hierbei um Widerstandsformen gehandelt, die eine ökonomische Grundlage gehabt hätten.

Basierend auf solchen und eigenen Arbeiten charakterisiert der Autor die bewaffneten Aufstände in Zentralasien als bäuerlichen Protest, der sich aus dem Widerstand lokaler und religiöser Eliten mit dem Ziel entwickelt habe, ihre sozial-politischen und kulturellen Positionen zu bewahren. Angesichts der von der Staatsmacht ausgehenden Gewalt hätten sich mittlere und ärmere Schichten der Bevölkerung diesem Widerstand angeschlossen, da sie angesichts von Enteignungen und Repressionen ihre Vernichtung befürchteten. Damit wendet sich der Autor explizit gegen eine Vereinnahmung der Aufstandsbewegung für politische Zwecke.

***

1920-1930-е годы – один из наиболее драматичных этапов в истории народов Средней Азии и Казахстана. Именно в эти годы, когда осуществлялась силовая модернизация традиционных социумов названного выше региона на принципах крепостничества, протест выливался в открытые формы. В Средней Азии он принял форму басмачества, а в Казахстане протекал в виде вооруженных выступлений и повстанческих движений. Процесс изучения характера, содержания и направленности этих форм протеста имеет достаточно длительную историю и сложившиеся традиции как в зарубежной (западноевропейской, американской и турецкой историографиях) так и в советской, а ныне в историографиях независимых государств Средней Азии и Казахстана.

Характерной чертой этого процесса является неоднозначность, а порой и диаметрально противоположность подходов исследователей к оценке характера и существа протестных движений в Средней Азии и Казахстане. Вместе с тем в последнее десятилетие в этих подходах наметилась довольно интересная тенденция, содержание которой свидетельствует не только о продолжении отмеченной выше характерной черты, но и о наличии определенных новаций.

Фокусирование авторского внимания на содержание данной тенденции обуславливается необходимостью сформулировать ее качественные и количественные параметры и предложить их заинтересованным исследователям в виде своего рода маркера, позволяющего увидеть направленность процесса развития одного из сегментов национальных (Россия, Казахстан, Узбекистан) историографий.

Для решения поставленной задачи необходимо вначале рассмотреть подходы **казахстанских историков** к оценкам характера и существа вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане в исторических исследованиях советского периода. В них выступления крестьян против политики советской власти рассматривались лишь в контексте классовой борьбы, описывались исключительно в формулировке «абсолютного зла» и характеризовались как «бандитские», «контрреволюционные», «антисоветские»¹.

---

¹ Турсунбаев А. Победа колхозного строя в Казахстане. – Алма-Ата. – 1957. – С. 155; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. – Алма-Ата. – 1963. – С.303; Очерки истории Коммунистической партии Казахстана. – Алма-Ата. – 1984. – С.219; Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К. История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата. – 1985. – Т.1. – С.205; Очерки истории Каракалпакской АССР. Т.2. – С. 162; Татыбаев С.У. Исторический опыт построения социализма в Каракалпакии (1917-1941 гг.). – С. 110.

Новейшие трактовки характера, существа и направленности вооруженных выступлений и повстанческих движений представлены в исследованиях и публикациях казахстанских историков². Исследователи Т.О. Омарбеков, Н.С. Байкадамов, К.С. Алдажуманов трактуют крестьянские выступления 1929-1931 годов как *проявления национально-освободительного движения в Казахстане*. Эти подходы представляют интерес, прежде всего, как попытка пересмотреть «тяжелое» наследие советской историографии, сформировать новый взгляд на события тех лет. Однако, как нам представляется, подобная трактовка обусловлена политической ангажированностью ее авторов и продиктована политической и идеологической конъюнктурой.

Для подтверждения этого суждения обратимся к имеющимся оценкам характера, существа и направленности такого во многом сходного с вооруженными выступлениями и повстанческими движениями 1929-1931 годов в Казахстане явления как басмаческое движение в Средней Азии, и сопоставим их с существующими в казахстанской историографии оценками характера и существа крестьянских выступлений 1929-1931 годов.

Общеизвестно, что сущность басмаческого движения в **советской историографии** определялась как «одна из форм классовой борьбы свергнутых местных эксплуататоров» против советской власти. По направленности движение басмачей характеризовалась как «феодално-клерикальное» и «буржуазно-националистическое», ставившее своей целью «свержение советской власти»³.

В противовес советской историографии иную трактовку давали **американские и западноевропейские исследователи**. Так, Ричард Пайпс трактует басмаческое движение в Средней Азии как «сопротивление коренных национальностей насильственной советизации»⁴. В аналогичной концепции рассматривает басмаческое движение и американский исследователь Александр Парк. Он также трактует басмачество как «народное», по своей сути «крестьянское» движение сопротивления советской власти, которое идеологически направлялось духовенством⁵. Исследователь из ФРГ среднеазиатского происхождения Баймирза Хайит считает басмачество «национально-освободительным» и «антиколониальным движением». По его мнению, басмачество стало логическим продолжением борьбы против «царского колониального владычества»⁶. Известный специалист по истории советской Средней Азии и Казахстана Марта Олкотт (Колгейтский университет в Глазго) оценивает басмачество как «борьбу с советским вторжением», борьбу «всех мусульман против большевизма»⁷. Исследовательница из Сорбонны Э. Каррер д'Анкокс также является

---

² Омарбеков Т. Зобалан (Тревожные годы).- Алматы: Санат. - 1994. - 270 с.; Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті (Трагедия Казахстана 20-30-х годов). Алматы:Санат. 1997. - 320 с.; Алдажуманов К.С. Национально-освободительное движение 1916 года и крестьянские восстания 1929-1932 гг.: проблемы преемственности // Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки/ Материалы международной научно-теоретической конференции (Алматы, 1996, 18 октября). - Алматы: «Фонд XXI век». - 1997. - С.88-94; Байкадамов Н.С. Сырдария округіндегі күштеп ұжымдастыру және шаруалардын қозғалысы (1928-1932 жылдар). (Насильственная коллективизация и восстания крестьян Сырдарьинского округа (1928-1932 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Алматы, 2001 г. - 135 с.

³ Басмачество. Социально-политическая сущность. - Ташкент: Фан. - 1984. - С.21; Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М.: Наука. - 1981. - С.3.

⁴ Pipes R. The Formation of the Soviet Union. Communism and Nationalism. 1917-1923. Cambridge, Massachusetts, 1954. P. 178-184; 255-260.

⁵ Park A. Bolshevism in Turkestan. 1917-1927. New York, 1957. P. 49-50, 157.

⁶ Hayit B. Some Problems of Modern Turkestan History. Düsseldorf, 1963. P. 27, 28.

⁷ Olcott M. The Basmachi or Freeman's Revolt in Turkestan. 1918-1924 // Soviet Studies XXXIII (1981), №3. P.352, 355.

сторонницей концепции басмаческого движения как движения, имевшего национальный характер и религиозную основу⁸.

Нет необходимости доказывать, что на характер и содержание трактовок басмачества в трудах американских и западноевропейских исследователей оказывала влияние политическая и идеологическая конъюнктура, всегда игравшая не последнюю роль в западной советологии.

Недалеко ушли от своих американских и западноевропейских коллег и **турецкие историки**. Об этом, в частности говорит название работы А.Бадемджи о «национально-освободительном движении в Туркестане»⁹. Практически все исследования выдерживаются в духе идеологии «тюркоцентризма»; сопротивление басмачей описывается как часть «национально-освободительного движения» прежде всего тюркских народов Средней Азии против «красного империализма» и «оккупации» региона Советской Россией¹⁰.

Решительному пересмотру подверглись трактовки основных событий новейшей истории Средней Азии, в том числе и басмаческого движения в трудах историков Республики Узбекистан в постсоветский период. Трактовка исследуемых событий в советской исторической науке была объявлена «фальсификаторской», «искажающей» историю «национально-освободительной борьбы народов Туркестана». Басмачество стало рассматриваться **узбекскими историками** как «национально-освободительное», «общенародное движение, возникшее в результате смены на территории бывшего Туркестанского края «русского колониализма» «советским»¹¹. В названных исследованиях, так же как в случае с американской и западноевропейской литературой налицо превалирование политико-идеологических тенденций над чисто научными.

Как видим, приведенные трактовки сущности среднеазиатского басмачества идентичны содержащимся в работах названных выше казахстанских историков трактовкам характера и существа вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов в Казахстане.

Таким образом, наблюдаемая в работах ряда казахстанских историков трактовка характера и существа вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 гг. как «проявлений национально-освободительного движения», будучи в корне отличной от трактовок, содержащихся в литературе советского периода, явилась принципиально новой по своему характеру и содержанию. Но вместе с тем, эта трактовка ничего качественно нового по сравнению с существующими в зарубежной историографии трактовками басмаческого движения в Средней Азии (во многом идентичного, как указывалось выше, с вооруженными выступлениями и повстанческими движениями 1929-1931 гг. в Казахстане) не содержит. Историки Казахстана, как, впрочем, и историки Узбекистана, лишь повторили концептуальные наработки зарубежной (преимущественно американской и западноевропейской) историографии, которая, как уже отмечалось, была подвержена политической и идеологической конъюнктуре, обусловленной усилением «холодной войны» и

⁸ Carrere D' Encause, Islam and the Russian Empire. Reform and Revolution. London, 1988.

⁹ Bademci A. 1917-1934 Türkistan Milli İstiklal Hareketi ve Enver Paşa. Istanbul, 1975

¹⁰ Подробный разбор турецкой историографии см.: Пылев А. И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек. – 2006. – С.44-47.

¹¹ Абдуллаев Р.М., Агзамходжаев С.С., Алимов И.А. Туркестан в начале XX в. К истории истоков национальной независимости. Ташкент. – 2000. – С.164; Карим. Мадаминбек. Тошкент. – 2000. – 3 бет. (на узбекском языке).

идеологическим противостоянием СССР и капиталистических стран Запада. Совпадения в оценках существа и характера басмаческого движения (в трудах узбекских историков) и вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 гг. в Казахстане (в трудах казахстанских историков) не случайны. Но если в первом случае они являются проявлением националистической тенденции, то во втором политической конъюнктуры. Поясним оба случая на конкретных примерах.

Проявления националистических тенденций в научных работах и периодике, издающихся в среднеазиатских республиках, имеют, как отмечает современный российский исследователь истории среднеазиатского басмачества А.И.Пылев, прежде всего, антироссийскую направленность, особенно в толковании событий, связанных с присоединением региона к России и последующим его вхождением в состав СССР. С целью придать националистической идеологии «научную форму» проводятся параллели с историческим прошлым. В качестве одной из иллюстраций используется трактуемая определенным образом история басмаческого движения¹².

Как мы уже отмечали, казахстанские исследователи Т. Омарбеков, Н.С. Байкадамов, К.С. Алдажуманов трактуют крестьянские выступления 1929-1931 годов как *проявления национально-освободительного движения в Казахстане*. При этом К.С.Алдажуманов рассматривает крестьянские восстания 1929-1931 годов в контексте истории национально-освободительного движения и характеризует их как важнейший этап борьбы за независимость¹³. Ему вторит Н.С.Байкадамов, который указывает, что «борьбу против коллективизации можно рассматривать как один из этапов борьбы за независимость»¹⁴. Т.О.Омарбеков трактует крестьянские вооруженные выступления 1929-1931 годов в Казахстане как «движение, носившее национально-освободительный характер», но не ставшее общенациональным движением из-за того, что было потоплено в крови. Т.О.Омарбеков оценивает события 1929-1931 годов как последнюю попытку сопротивления казахских шаруа (крестьян-скотоводов) политике ликвидации традиционного казахского общества, берущего свое начало еще со времен царской России и являвшегося естественным продолжением национально-освободительных движений прошлого. При этом он отмечает, что с событий декабря 1986 года (массовые волнения в городах Казахстана) начинается новый этап борьбы за национальную независимость¹⁵.

Говоря о связи событий 1929-1931 годов с национально-освободительными движениями в прошлом, казахстанские историки прямо не называют восстание 1916 года, но, судя по контексту их суждений, подразумевают это восстание. Таким образом, из суждений названных историков логически вытекает, что борьба за национальную независимость Казахстана в XX веке состоит как минимум из трех этапов: 1916, 1929-1931 и 1986 годы.

---

¹² Пылев А.И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек. – 2006. – С.178-179.

¹³ Алдажуманов К.С. Национально-освободительное движение 1916 года и крестьянские восстания 1929-1932 гг.: проблемы преемственности. – С.94. Видимо, не случаен тот факт, что К.Алдажуманов в своей публикации «Крестьянское движение сопротивления» (1998 г.) не приводит каких-либо оценок характера и существа вооруженных выступлений. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что он отошел от предыдущей своей оценки этих выступлений как проявлений борьбы за независимость, понимая научную несостоятельность подобного подхода.

¹⁴ Байкадамов Н.С. Сырдария округіндегі күштеп ұжымдастыру және шаруалардын қозғалысы (1928-1932 жылдар). – 135 бет.

¹⁵ Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. – 141-142 беттер.

На наш взгляд, привязка к вооруженным выступлениям и повстанческим движениям 1929-1931 годов событий декабря 1986 года обусловлена стремлением решить две взаимосвязанные задачи. Во-первых, оградить предлагаемую трактовку выступлений 1929-1931 годов как «национально-освободительных» от какой-либо критики, поскольку в этом случае придется поставить под вопрос правомерность отождествления событий декабря 1986 года с началом нового этапа борьбы за национальную независимость. Во-вторых, придать трактовке событий декабря 1986 года как нового этапа борьбы за национальную независимость «научный характер» и внести, тем самым, свою лепту в небезуспешно осуществляемый официальной пропагандой процесс формирования в общественном сознании соответствующего интересам государственной власти имиджа событий декабря 1986 года.

В качестве подтверждения наших предположений обратимся к соответствующему разделу изданной 20-тысячным тиражом монографии Е.К. Ертисбаева «Казахстан и Назарбаев: логика перемен». В разделе, где затрагиваются события декабря 1986 года, автор воздерживается от каких-либо собственных оценок характера и существа событий. Вместо этого он цитирует суждение Каррер д'Анкокс о том, что «бунт в Алма-Ате явно был антиколониальным бунтом, противопоставившим периферию центру, казахов – русским»¹⁶, а также приводит высказывание Шантель Лемерсье-Келькеже о том, что «мятеж 17 декабря поднял местных казахов против вторгшихся русских, мусульман против безбожников и, еще более важно, казахских коммунистов против русских коммунистов»¹⁷. По сути, высказывания французских исследователей относительно характера и существа событий декабря 1986 года мало чем отличаются от приведенных несколько ранее оценок характера и существа среднеазиатского басмачества, которые в избытке содержатся в американской и западноевропейской историографии. Цитирование Е.К. Ертисбаевым подобных характеристик и оценок без каких-либо комментариев дает основание считать, что и сам автор разделяет эти оценки. С учетом же характера, содержания и целей монографической работы Е.К.Ертисбаева, а также ее тиража, можно предполагать, что приводимые в ней оценки призваны подкрепить исподволь озвучиваемые в средствах массовой информации, выступлениях деятелей отечественной культуры и науки оценки характера и существа событий декабря 1986 года как *важного этапа борьбы за национальную независимость и суверенитет, как проявления национально-освободительного движения*¹⁸.

Сам факт, что сущность басмаческого движения в Средней Азии и вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 гг. в Казахстане трактуются в рамках одной концепции, свидетельствует о том, что между этими двумя социально-политическими явлениями много общего, особенно в плане обусловивших их причин. Это дает основание полагать, что при оценке характера, существа и направленности вооруженных выступлений и повстанческих движений следует учитывать новейшие подходы **российских историков** к оценке существа басмаческого движения в Средней Азии.

---

¹⁶ Ертисбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – Астана: Елорда. – 2001. – С.134.

¹⁷ Ертисбаев Е. Казахстан и Назарбаев: логика перемен. – С. 139.

¹⁸ Бейскулов Т. Желтоксан ызгары //Вечерняя Алма-Ата, 1989, 19 августа; Куанышалин Ж. Декабрьские события 1986 года // Казахстанская правда, 1991, 16 декабря; Кекильбаев А. Суровое испытание накануне перемен // Казахстанская правда, 1996, 12 ноября; Козыбаев М.К. Декабрь 1986 года: факты и размышления // Казахстан на рубеже веков: размышления и поиски. Книга первая. Алматы: Гылым. – 2000. – С.224-254; К оценке декабрьских событий // Казахстанская правда, 2006, 10 декабря.

Так, например, характеризуя этническую ситуацию в басмаческом движении, Е.А.Юрина отмечала, что «басмачество не было и не могло быть национальным движением хотя бы потому, что к моменту национально-государственного размежевания в Средней Азии не сложились национальные организмы и не устоялась этническая терминология». При этом исследовательница указывала, что «басмаческое движение имело экономическую подоплеку» и что «оно было военным проявлением мусульманского традиционализма, экономической основой которого служит мелкотоварное производство»¹⁹. В контексте оценки характера и существа рассматриваемого Е.А.Юриной явления особого внимания заслуживает суждение автора о том, что «басмаческое движение было типичным для населения Средней Азии выражением народного недовольства, своеобразным показателем социальной нестабильности. Вооруженная борьба была ответом на попытки изменения традиционного уклада жизни, кем бы эти изменения ни инициировались, и велась привычными для населения методами»²⁰.

В обстоятельном, тщательно обоснованном и аргументированном исследовании А.И. Пылева басмаческое движение трактуется как борьба «традиционной элиты среднеазиатского общества с целью сохранить свои социально-политические и экономические позиции»²¹. Принципиально новое видение характера, существа и направленности басмаческого движения в Средней Азии свидетельствует, на наш взгляд, о подлинно научном подходе к сложным социально-историческим явлениям, свободным от политико-идеологических пристрастий и позволяющем преодолеть политическую ангажированность и идеологическую обусловленность концепции среднеазиатского басмачества, трактуемой как «национально-освободительное движение».

С учетом суждений, представленных в исследованиях Е.А.Юриной и А.И.Пылева, а также исходя из детального анализа социальной сущности и идеологической направленности всей совокупности вооруженных выступлений и повстанческих движений 1929-1931 годов в Казахстане²² предложена иная, отличная от имеющейся на сегодняшний день, концепция их характера и существа.

Вооруженные выступления и повстанческие движения трактуются нами не как национально-освободительные, а как *крестьянский протест, эволюционировавший от борьбы верхушечных слоев аула в лице байства и религиозного духовенства с целью сохранить свои социально-политические и экономические позиции до последнего выражения отчаяния середняков и бедняков, поставленных в результате насилия, произвола и беззастенчивого обирания аула со стороны представителей власти перед реальностью физической смерти.*

Приведенные выше факты и суждения дают достаточное основание полагать, что в процессе изучения характера, содержания и направленности протестных движений, имевших место в 1920-1930-х годах в Средней Азии и Казахстане, наметилась тенденция, которая нашла свое выражение с одной стороны в виде простой смены

---

¹⁹ Юрина Е.А. Этническая ситуация в басмаческом движении // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. М., 2001, № 27. – С. 178 (168-181)

²⁰ Юрина Е.А. Этническая ситуация в басмаческом движении. – С.179

²¹ Пылев А.И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек. 2006. – С.179.

²² Алланиязов Т.К., Таукенов А.С. Последний рубеж защитников номадизма. История вооруженных выступлений и повстанческих движений в Казахстане (1929-1931 гг.). – Алматы: ОО «XXI век», 2009. – 175-198.

знаков, а с другой – в виде попыток предложить принципиально новые оценки. Наблюдаемые нами изменения свидетельствуют, по нашему убеждению, о том, что в национальных (Россия, Казахстан, Узбекистан) историографиях протестных движений в Средней Азии и Казахстане 1920-1930-х годов начался качественно новый этап, характеризующийся причудливым сочетанием традиций и новаций. В свою очередь, в этих новациях, как нам представляется, заложен хороший потенциал на перспективу.